

Глядя на высокомерную армию Мин перед полем боя, Джир Харанг бороздил брови.

Потеря Пика Мудана сделала ситуацию в Пхеньяне очень неблагоприятной для Великого Царя.

В это время фактический контроль армии Мин был незаметно оттеснен к северу от реки Датун, образуя полукруглый город Пхеньян.

В общей сложности 100 000 солдат с обеих сторон скопились вокруг Пхеньяна, готовых в любой момент вырваться в массивный пожар.

Однако в значительной степени Джеглаланг избегал крупномасштабного пожара.

Огневая мощь армии Мин была слишком сильна, и чем больше они были, тем дешевле они сражались, но они вообще не могли воспользоваться Железной Конницей Восьми Знаменей.

Восьмизнаменная Железная Конница, индивидуальная храбрость, заключалась в том, чтобы заряжать и вести жестокие бои, и людям было бы трудно принять, если бы они каким-то образом погибли под огнестрельным оружием.

Поэтому Цзиль Харанг все еще приказывал держаться, предпочитая быть черепахой, вместо того, чтобы позволить легко похоронить последнюю силу Цин.

Надо сказать, что монголы очень хорошо играют, все виды деятельности бесконечны, рассматривая поле боя как сцену партии, можно энергично строить.

Фамилия страны Чжу Юнэнь и его маньчжурские солдаты также пришли, чтобы поймать сцену, и после короткого периода беспорядочной работы вокруг, они приступили к праведной работе убеждения.

Чжу Юнэн надел то, что он считал красивым и кричал перед битвой: "Цзиль Харан, ты императорский внук сына великого императора Мин, этот слой самобытности здесь, армия моего великого Мин не осмеливается ничего с тобой сделать, но также надеюсь, что ты можешь также уважать себя и вернуться в великий Мин!

Он продолжил: "Я верю, что с вашим статусом императорского внука Его Величество не будет относиться к вам плохо, и это не плохая идея - быть коронованным королем или что-то в этом роде! Но даже не думайте о положении Императорского Величества!"

Джил Харанг был возмущен, полностью демонстрируя психологические качества, которыми обладал большой человек.

Вскоре после этого Чжу Юнэн ушел со сцены и был заменен маньчжурским солдатом.

Этот маньчжурский солдат стоял с маленьким флагом в руке и громко кричал перед битвой: "Приветствую вас, соотечественники напротив! Меня зовут Шэнь Цзинбин, ранее известный как Фуча Фу Вертикаль, одна из восьми фамилий Маньчжурии, живущая в Цзяньчжоу..."

"Я оставил тьму на свет в битве при Ляодуне, и Му Юй жил питательной и прекрасной жизнью во славу Его Величества Императора Великого Минга..."

"Надеюсь, вы также сможете вернуться домой в Ляодун и Цзяньчжоу и жить хорошей жизнью, не пособничая злу!"

"Вернитесь, мои соотечественники! Стань славным Дэмиеном!"

Услышав о Ляодуне и Цзяньчжоу, среди Восьми Знамен, особенно среди тех старых Знамен, которые родились в Ляодуне, произошли некоторые беспорядки.

После своего поражения и отступления на Корейский полуостров восемь лет назад, они никогда не возвращались, чтобы увидеть его, и они не знали, могут ли они быть похоронены на своей родине в этой жизни.....

После того, как этот маньчжурский солдат ушел в отставку, появилась череда хорошо разговорчивых маньчжурских солдат, некоторых или обоих вместе, чтобы убедить капитулировать в виде пост-апокалипсического рэпа и пения, со способностью голоса, сравнимой со способностью популярного брата Токунбо.

Чтобы сломить боевой дух маньчжурских восьми знамен, Чжу Юнэн также изучил четырехстороннюю чускую песенную схему Чжан Ляна, приказал маньчжурским солдатам спеть народную песню.

Песня маньчжурных обычаев очень самобытна, в основном в пентатонической гамме, лаконична по структуре, гладкая мелодия, искренние чувства.

Такие, как "официальный удар" по дороге на встречу с женихом и невестой, зал невесты с привидениями при исполнении свадебной песни "Lakong Qi", а также похоронные церемонии в мелодии плача и траура и большое количество жертвенных песен, очень трогательны.

Знакомый местный акцент был услышан, и все восьмизнаменные солдаты плакали, их тоска становилась сильнее, а моральная подавленность значительно снижалась.

Как только обе стороны вошли в настроение, они чуть не вышли из окопов, чтобы держаться за руки и болтать друг с другом.

В тот момент прозвучала пушка, нарушившая гармоничную атмосферу.

Кормовой Зилхаран приказал стрелять из пушки!

Он закричал: "Если хочешь вернуться домой, возьми оружие и сражайся за возвращение в Ляодун и заberi свою родину!".

Восемь знамен только что отреагировали, это чертово поле боя, это все еще война, как их может обмануть другая сторона!

Только тогда все вытерли влажные глаза и восстановили дух, чтобы продолжать защищать, но моральный дух был явно намного ниже, чем раньше.

Перед лицом кризисной ситуации, низкого морального духа, а также сильной и красноречивой армии Мин, Джерхаран продемонстрировал необычайное спокойствие и легкость.

Впоследствии Джир Харанг отдал приказ маньчжурским флагам: "Авансом выплатить зарплату и серебро, каждому участвующему в акции обладателю флага на три полных месяца!".

Только что прибывшие в Пхеньян продовольствие и припасы, изначально предназначенные

для потребления в течение двух-трех месяцев, были опорожнены одним словом от Джир Харанга.

Первоначальные зарплаты, которые задерживались на месяц или два из-за финансовых затруднений, наконец-то пришли, и с предоплатой за три месяца все плакаты радостно улыбались белым серебряным деньгам.

Очевидно, что деньги пожирали славу человеческой природы восьми знаменосцев.

На некоторое время боевой дух армии Цин снова поднялся!

Пока поднимался боевой дух Восьми знамен маньчжуров, несколько тысяч корейских знамен с трудом справлялись.

Сначала их кормили свиньями в течение дня, а теперь они голодали день и ночь.

В лагере Цин Цуй Нима в разной старой роговой форме, держа в руках сломанную чашу, образ настоящего нищего на обочине дороги.

Он действительно подозревает, что у этих маньчжуров пена для мозгов, они кормятся один день, останавливаются на один день, действительно обращаются с корейскими солдатами, как со свиньями, просто чтобы их кормили?

"Ужин готов!"

Был слышен красивый звук, Цуй Нима поднял сломанную чашу и бросился к ней.

Не только он, но и тысячи знаменосцев Хосуна, которые подавали еду всему батальону, молодые и старые, все они были похожи на диких собак, которые прыгали в продуктовый сарай, как только слышали банкет.

Их приветствовали обычные высокие и могущественные знаменосцы восьми знамен Маньчжурии, держащие рисовые ложки, но не имеющие намерения подавать рис.

За этими "поварами" стоит еще одна группа маньчжурских солдат в доспехах, каждый из которых несет большой ящик, не знает, что внутри.

В разгар шума толпы корейских солдат выступил высокий, яростно выглядящий маньчжурский диктофон для записи скота Чжан Цзин.

"Все вы, стойте смирно!"

"Теперь у тебя есть два варианта, первый - остаться голодным!"

"Во-вторых, эта трубка переполнена, и солдат получает подарочный пакет из коробки позади меня!"

Троица в депрессии. Что это за татарский узор? Поесть и купить подарочный пакет? Может быть, принц Чжин умер, а маньчжурский принц помог ему с похоронами? Нет для него никакого мемориального зала или чего-нибудь еще!

Что Niu Luo Zhangjing впустую потратил полдня, разговаривая перед открытием коробки, как ведущий якорь, подробно описывая, как использовать эти подарочные пакеты.

Цуй Нима втиснулся в толпу и протянул голову, чтобы увидеть, где это была подарочная упаковка, это была просто динамитная упаковка!

Ниу Лу Чжанцзин провел взрывной пакет в руке: "Во время Великой войны, ваша миссия состоит в том, чтобы идти вперед и сотрудничать с полными восемью баннерами, чтобы заблокировать армию Мин, вам просто нужно дать этот пакет в армию Мин на противоположной стороне, связывая его".

Слушая вступление Ниу Лу Чжанцзина, Цуй Нима понимал, до тех пор, пока северокорейские солдаты, которым не был нанесен удар по голове ослом, также все понимали.

Какой, черт возьми, подарочный пакет, это билет в рай!

Собака Тартар обменивает еду на жизнь корейского солдата!

"Я не ем! Я не хочу умирать!"

Корейский солдат, который выглядел очень импульсивно, выпрыгнул и зарычал, не желая опускаться.

Как только слова вышли из его уст, Ниу Лу Чжан Гюн нарисовал свой меч и забил его до смерти на месте, сказав: "Если ты не ешь, не ешь, зачем ты так много шумишь? Это пугает меня!"

Все северокорейские солдаты выглядели немного нечувствительными, когда их отряд был сбит.

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1090410>